

Сергей Медведев

**День, когда
заговорило
радио**

Рассказы

Сергей Артурович Медведев День, когда заговорило радио. Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503377
ISBN 9785448535581*

Аннотация

27 рассказов, которые должны напугать читателя. Или рассмешить. Сергей Артурович Медведев – драматург, журналист. Пьесы Медведева поставлены в театрах России, Украины, Германии, Венгрии, Болгарии. Победитель и финалист таких драматургических конкурсов, как «Евразия», «Новая драма», «Theatertreffen». Роман «Кошки в тигровой шкуре» вошел в шорт-лист конкурса «Книгуру». Живет в Ростове-на-Дону.

Содержание

1. Idiot & Durochka	5
2. Оля и волшебные очки	15
3. Мультиварка	23
4. Чудо	32
5. День, когда заговорило радио	48
6. Чужие мысли	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**День, когда
заговорило радио
Рассказы**

**Сергей Артурович
Медведев**

© Сергей Артурович Медведев, 2017

ISBN 978-5-4485-3558-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Idiot & Durochka

Вчера ночью я получил странное письмо, в котором было написано, что в Нью-Йорке умер мой брат, и у меня теперь 1 миллион долларов. Наследство. Адвокат по фамилии Нильсон написал, что мне ужасно повезло, что умер брат, миллион у меня в кармане, только надо оплатить его адвокатские услуги. Смехотворная цифра. Что-то типа 100 долларов. Это пустяки. Сто долларов у меня есть. Я тут же перечислил их по указанному адресу.

Таким образом, от адвоката пришли две новости: плохая и хорошая.

В детстве я часто спрашивал мать, продала бы она меня на органы за миллион рублей (тогда доллар стоил 40 копеек, миллион рублей был больше, чем миллион долларов). Будил ночью и спрашивал... Мать злилась и говорила, что нет, ни за что бы не продала, потому что она рассчитывает, что в старости я ей буду помогать. «А за два?» «И за два – нет. Иди спать, сынок».

Но то мать. А брат умер, оставил миллион долларов, и я не знаю, радоваться или нет.

Кстати, неизвестно, может быть, мать, если бы знала, что я ей все равно никак не буду помогать в старости, продала бы меня за миллион.

Мать, кстати, тоже хороша, никогда не говорила, что у меня есть брат. Тем более в Нью-Йорке. Если бы я знал, может быть, у меня и жизнь сложилась бы совсем по-другому. Все-таки вдвоем легче противостоять агрессивной окружающей среде.

Я набрал в интернете, чтобы выяснить, что же можно купить за миллион долларов. Оказалось, не так уж много (если верить интернету). Предложения были такие: ванна из горного хрусталя, ноутбук от Luvaglio, кокосовый коньяк Mendis Million Dollar, духи DKNY, самолет Cessna Skycatcher, мотоцикл Harley Davidson, частная субмарина C-Explorer. Охренеть. Что ж там за коньяк такой?

Если честно, я бы взял субмарину. Уплыл бы куда подальше. Но где ее хранить? Негде.

Мой друг по «Фейсбуку» Анатолий Иванович (которому я зачем-то, в личку, конечно, сообщил о письме) написал, что за такие деньги можно купить даже танк.

«Зачем?» – отстучал я ему месседж. «Ты разве не понимаешь? Будем помогать соотечественникам в других странах».

Алексей (другой друг по «Фейсбуку», один из трех) написал, что он потратил бы все эти деньги на баб. «Ты пробовал „Виагру“? – поинтересовался Алексей. – Знаешь, какая она на вкус?» «Не знаю, не пробовал». «Мятная или апельсиновая». «Откуда знаешь?» «В интернете прочитал» – ответил Алексей.

Потом опять написал Анатолий Иванович и сказал, что если я не хочу танк для соотечественников, то я могу дать ему хотя бы 100 тысяч долларов, и тогда он издаст книгу, которая сама по себе изменит расстановку сил на мировой арене.

Я забанил Анатолия Ивановича, потому что понял, он не оставит меня в покое. Алексея исключил из друзей, потому что решил: а вдруг он несовершеннолетний, и вся наша переписка – провокация. Не исключаю, кстати. У него на аватарке – Гарри Поттер, а год рождения не указан. А вдруг это не Гарри Поттер? Вдруг это Алексей так выглядит? Или, еще хуже, вдруг это несовершеннолетняя женщина? Потом оправдывайся.

Вот в таких смятенных чувствах я пришел домой с работы (а я работаю кассиром в супермаркете, если что).

В подъезде я встретил соседку – случайно на лестничной площадке.

– Почему вы не купите себе новые туфли и хорошее пальто? Вы уже лет двадцать ходите в одном и том же, – посоветовала соседка и засмеялась. Соседке лет тридцать пять или тридцать. В принципе, она довольно симпатичная, если оценивать не придираясь. «Молодые – все красивые», – говорила мать. Сейчас я ее понимаю, а когда-то спорил.

«Купите себе хорошее пальто». Не такое уж у нее и самой хорошее пальто, соседку я имею в виду. Но фигура неплохая. Ноги только коротковатые.

От неожиданности я растерялся:

– Вы ко мне обращаетесь?

Глупый вопрос, вокруг никого не было.

«Ха-ха-ха!» – засмеялась соседка и скрылась за своей железной дверью.

Я пришел домой, съел салат «Цезарь», проверил почту – от адвоката ничего не было (да еще и рано). Задумался. Совет соседки испугал меня. «Купите себе новое пальто». Таких совпадений не бывает. Что это значит? Значит, она знает о моем наследстве. Откуда? Ведь я ей не говорил. Я вообще с ней никогда не разговаривал. Даже не здоровался.

О миллионе я писал Алексею и Анатолию. Хотелось похвастаться, распирало прямо меня. Но... Я предвидел нечто подобное, и в «Фейсбуке» у меня был ник «Полковник Немо». Город проживания не указан, возраста нет. Вообще ничего не указано. Просто «Полковник Немо». Ни интересов, ни школы, ни вуза. Правда, есть одна запись, точнее перепост, – «Средняя температура в жилых помещениях разных стран Европы». Что-то меня заинтересовало в этом посте. Сейчас даже и не помню, что именно. Но перепостил. Потом долго ругал себя. Но убирать не стал. Подумал, чего бояться? А вот, оказывается, есть чего.

Все это очень плохо. Откуда же она знает о моем миллионе? Значит, она меня как-то вычислила. Она как-то следит

за мной. А может быть, она и есть «Колбасы Дона». Это у меня третий друг на «Фейсбуке». С таким необычным ником. Уже год дружим. Ну, не так чтобы очень дружили, но пару раз я лайкнул какие-то посты этих «Колбас». Просто, чтобы поддержать отношения.

Значит, вот так. Моя соседка и есть «Колбасы Дона». Как я сразу не догадался? В следующий раз надо быть разборчивее в выборе друзей.

Но это значит, что с «Колбас Дона» можно зайти в мою почту. Вот как получается. На всякий случай я забанил «Колбасы». Но, наверное, поздно.

Но что делать? Надо выяснить, что ей нужно и успела ли она кому-нибудь рассказать о моем наследстве. А если не успела, то мне придется с ней как-то поступить. Как? Первое, что приходит на ум, – отрезать голову. Но... Потом решу.

Всю ночь я не спал. Думал.

Что ей нужно? Что ей нужно? Наивный. Деньги ей мои нужны. Может быть, поговорить? Может быть, как-то удасться договориться. Можно же как-то откупиться.

Перед работой, в семь утра, я постучал к ней в дверь, но она не открыла. Хотя я слышал, что за дверью кто-то есть. Слышал, как кто-то подошел к двери и потихоньку отошел. Но почему я решил, что она откроет? Странно, очень странно. Набивает цену. (А я уже мысленно расстался со 100 тыся-

чами долларов, но подумал, что могу расстаться и с 200 тысячами)

Я сунул под дверь записку: «Нам надо поговорить...»

Вечером под своей дверью я обнаружил ответ: «Кто вы?»

В ответ написал: «Тот, кому нужно новое пальто и туфли»

и отнес записку под ее дверь.

Утром я прочитал: «Что вы хотите?»

Ответил: «Обсудить условия. Вы знаете, что я имею в виду».

«Приходите завтра в полночь. Выпьем чаю и все обсудим».

Так она написала на обратной стороне моей же бумажки.

В полночь (выпив немного коньяку – для храбрости) я постучал к ней в дверь, она открыла, и я сразу сказал:

– Давайте начистоту, 100 тысяч – и мы забываем друг о друге. Давайте расставим точки над *i*.

Так я сказал и сразу прошел в ее квартиру. Чтобы она понимала мой настрой и то, что я знаю, как выходить из сложных ситуаций.

Она без сопротивления пропустила меня к себе.

– Привет от Полковника Немо, – шепнул ей на ухо (она вздрогнула), и я оглянулся. В квартире, кроме нас, никого не было. Значит, у нее нет сообщников. Или она так уверена в собственных силах? В принципе, она спортивного телосложения, неизвестно, чем может закончиться наше проти-

воборство.

– Сто тысяч – это мое последнее слово. Как? Согласны? –
я сразу взял быка за рога.

– Хорошо. Я согласна на сто тысяч.

– Да? Вот и славно. Так вот вы какие, «Колбасы Дона». А я вам доверился, в друзья вас записал, даже лайкал. А вас, оказывается, интересуют только деньги.

– Чаю выпьете? – спросила она шепотом. – Раз мы уже все решили.

– С колбасой?

– Хорошо, с колбасой.

Сколько раз говорил себе: не пей чай в чужих домах. Мало ли что. И это при моем опыте работы в супермаркете. Вдруг мышьяк! Просто, ради смеха. Даже без злого умысла.

– Вам покрепче? – спросила она очень тихо.

– Пожалуй, – я расслабился. – Отметим успех наших переговоров.

В общем, выпил я чаю и потерял сознание. Что-то она подсыпала в чай. И в себя я пришел уже привязанным к стулу. Какой же я дурак.

– Что вы хотите со мной сделать? – произнес я еле слышно, потому что во рту пересохло от этих ее каких-то отравляющих веществ.

– Еще не решила.

– Но в каком направлении движется ваша мысль?

– Сначала я хотела отрезать вам голову. Но тогда придется вас расчленивать. Потом выносить по частям. Я женщина одинокая, помощников нет, расчленять придется самостоятельно... Я не справлюсь. Я решила, что столкну вас вместе со стулом с лестницы в подъезде. Потом отвяжу стул. Получится, что вы пьяный сами упали и ударились затылком.

– Послушайте. Но зачем? Зачем я вам мертвый?

– А зачем вы мне живой? Как потратить миллион, я сама решу. Я уже даже посмотрела в интернете, на что их можно потратить. Я хочу купить себе подводную лодку и уплыть, куда глаза глядят.

– Я тоже хотел подводную лодку, – я горько усмехнулся. – Но вы лишили меня мечты.

– Какая наглость.

– В чем же моя наглость?

– А то, что вы распоряжаетесь деньгами моего брата. Мечтаете с их помощью.

– Вашего брата? Это мой брат. Был моим братом. На днях мне сообщили, что он умер.

– Я вам не верю.

– Это легко проверить. Зайдите в мою почту. Логин – слово «idiot» латинскими буквами. Пароль – 22—09—1970 – моя дата рождения. Такой сложный логин я придумал специально, чтобы никто не смог подобрать. Кому придет в голову, что человек станет скрываться под логином «idiot»?

Она проверила. Оказалось, то, что я говорю, правда.

– Странно, странно, очень странно, – моя собеседница была растеряна. – Какое фантастическое совпадение!

Она открыла свою почту (логин – durochka, пароль – 19—05—1975 – это ее дата рождения) и показала мне письмо. Представляете, тот же самый адвокат Нильсон написал ей, что у нее тоже умер брат и ей тоже положен миллион долларов. И она уже перевела сто долларов на счет адвоката.

– А какой у вас ник в «Фейсбуке»? – спросил я у нее.

– «Серая шейка». Но вообще-то меня Катей зовут.

В общем, Катя решила, что ограбить ее хочу я. Каким-то образом я догадался, что она – наследница миллионного состояния. Так она предположила. Действительно, durochka. Если учесть, что я сам к тому моменту был миллионером. Мог ли я подумать, что у нас на лестничной площадке живет еще один миллионер? Я же верил в теорию вероятности. Типа снаряд не падет в одну и ту же воронку дважды. Оказывается, падает...

На «Фейсбуке» у меня теперь всего один друг – «Серая шейка». Хотя – тоже информация для размышления – ко мне каждый день стучатся в друзья всякие «Маша Ювелирный Салон», «Ольга Отдых», «Сергей Ролс-Ройс». Кто они такие? Почему они вышли именно на меня? Надо быть осто-

рожнее. Я их сразу баню. Потому что мы с Катей ждем наследство. Два миллиона долларов. Немалые деньги по нынешним временам. Мы решили, что все-таки купим подводную лодку и заляжем на дно где-нибудь в районе Марианской впадины.

2. Оля и волшебные очки

В характере у каждого человека бывают загадки. Загадки, которые не объяснишь с точки зрения здравого смысла.

Некоторые люди под страхом смертной казни не пьют кефир. Другие с детства не едят перловую кашу.

– Я лучше умру с голоду, чем буду есть эту гадость, – говорят дети, не разжимая рта, своим мамашам.

Мамаша в это время пытаются впихнуть детям в рот ложку с перловкой.

– Господи, что же мне с тобой делать, кем же ты будешь в старости, если уже сейчас такой капризный? – вздыхают матери и сами съедают кашу. – Отличная перловка, может, все-таки попробуешь?

... У Оли было две загадки. Во-первых, она никогда не носила головные уборы. Даже в 30-градусный мороз.

– Я мало бываю на свежем воздухе, из дома – к остановке, от остановки – на работу, а потом в обратном направлении. Не успеваю замерзнуть. Да и волосы не хочу портить шапками.

Иногда Оля шутила:

– А у меня шапочка-невидимка. Она всегда на голове, просто вы ее не видите.

– А почему же у тебя тогда уши красные, совсем не гре-

ет твоя невидимка? – возражали Оле немногочисленные подруги.

– У меня уши красные от природы, – вздыхала Оля. – У отца были красные. Да еще и большие. Вот, посмотрите на фотографию.

На черно-белой старинной фотографии действительно можно было увидеть, что уши у Олиного отца – огромные, как у слона. В то, что они красные, оставалось только верить.

– Он был очень совестливым человеком, – рассказывала об отце дочь.

А еще Оля очень плохо видела. Тем не менее, она никогда не носила очки. Даже после того как ее однажды чуть не сбילה машина. Тогда ей было уже немного за сорок.

– Куда прешь, слепондя? – закричал на нее мужик в меховой шапке, выскакивая из «копейки». – Не видишь, какое здесь интенсивное движение?

– Может, и не вижу, вам какое дело? – фыркнула Оля, которой казалось, что по центральной улице города неспешно движется цирковая процессия – несколько слонов, тигры, лошади, один гиппопотам и три дрессированных свиньи. Мчащихся машин Оля не видела.

– Очки купи, если не видишь, – с облегчением вздохнул мужик, чуть было не сбивший Олю, и умчался в неизвестном направлении. – Отвечай потом за вас, а у меня еще вся жизнь впереди, женился, вот, недавно.

«Действительно, надо купить очки», – подумала Оля, ко-

гда года через два попала в больницу с менингитом. В больнице у нее было много свободного времени. Оля лежала на кровати, вспоминала, как поцеловалась в первый раз. Как украли первую зарплату. Вспомнила и о том, как ее чуть не сбила машина.

Вылечившись, Оля отправилась в подземный переход, где, как ей сказали в больнице, находится лучшая в городе оптика.

– Вам какие очки – защитные или оптические? – поинтересовалась, высунувшись из окошка продавщица в вязанной шапочке.

– Мне бы какие-нибудь универсальные.

– Универсальные закончились, – объявила продавщица. – Есть слесарные. В них и металл варить можно.

Слесарные очки Оле не понравились – слишком тяжелые, да и металл варить в ближайшее время она не собиралась. Борщ иногда варила. Диетический. Мужу не нравилось.

– Тогда возьмите увеличительное стекло, – посоветовала продавщица. – Те же очки, только на один глаз.

– Да, это именно то, что мне нужно, – обрадовалась Оля и сунула увеличительное стекло к себе в сумку. – На один глаз? Я же правильно поняла? Мне большего и не надо. У меня, в принципе, нормальное зрение. Сколько с меня?

– 20 рублей. У нас распродажа.

Увеличительное стекло понравилось Оле. С ним она смело перешла улицу, не провалилась в открытый люк, увидела

старую знакомую, о которой думала, что та давно умерла.

– Ой, Вер, давно тебя не видела. А мне говорили... Но я не верила... Но ты не подумай... А ты откуда идешь?

– От верблюда, – зло сказала Вера, которая в тот день была не в духе.

– Верю, верю, верю, – быстро закончила разговор Оля и спрятала увеличительное стекло в карман.

Еще Оля нашла в магазине два рубля с профилем Гагарина.

«Да я могу бросить работу, буду ходить по улицам деньги искать», – подумала довольная женщина.

Окрыленная находкой, Оля пришла домой.

Правда, на двери своей квартиры она обнаружила нацарапанное кем-то слово из трех букв с неуместным, на ее взгляд эпитетом, – «моржовый». «Это, наверное, все-таки относится к мужу, – утешила себя Оля. – Я-то тут причем? А, может, это он сам и написал. По неизвестной мне причине. Я, в сущности, мало, что о нем знаю. Мужчина. Не любит борщ без мяса. Работает в ЖЭКе. Кем? Неизвестно. Я наверняка, если разобраться, знаю только имя. Владислав Александрович. Владик».

Сразу выяснить, к кому относится надпись на двери, Оля не смогла: Владислав Александрович был на работе.

Оля даже было позвонила ему в ЖЭК, но на другом конце провода, заикаясь, ответили, что ее «м-м-м-уж убыл в м-м-м-естную ком-м-м-м-андировку».

– Командировку? – переспросила Оля.

– Ага, сегодня уже не будет!

Странно, подумала Оля, поднесла к правому глазу увеличительное стекло и посмотрела на себя в зеркало. Сначала она ничего не увидела – зеркало было очень пыльным. Она протерла его поверхностью рукавом и ахнула.

– Какой у меня нос длинный, – расстроилась женщина. – Значит, правду говорят: носы растут всю жизнь.

Из зазеркалья на Олю смотрела совершенно незнакомая ей женщина. С редкими выцветшими волосами и криво подведенными губами. Оля поднесла увеличительное стекло к левому глазу, но ничего не изменилось. Только левый глаз стал намного больше правого.

Оля зажмурилась от ужаса, и незнакомка исчезла. Изнутри мы гораздо лучше.

«Какие мы на самом деле: такие как в зеркале, или такие как нас отражает собственная душа? Что я знаю о той женщине с длинным носом? А что она знает обо мне?»

Ее раздумья прервал звонок в дверь.

– А вот и я! – сказал, заходя в квартиру, Владислав Александрович. – Ну, ты как тут без меня? В одиночестве? Как там в целом? Все в порядке, надеюсь?

Оля взяла увеличительное стекло и подошла к мужу. Она тщательно осмотрела его руки (на правой она впервые увидела татуировку – «1956—2017»), незастегнутый гультфик, морщинистое загорелое лицо. На лбу у Владислава Алексан-

дровича она нашла следы от губной помады и надпись тушью для ресниц: «Таня плюс Владик равняется любовь».

Оля села на кровать и внимательно посмотрела на мужа через увеличительное стекло.

– У нас на двери, Владислав, написано одно нехорошее слово и одно непонятное. Теперь я знаю, что ты – тот, который моржовый.

Оля заплакала, а Владислав Александрович встал перед нею на колени.

– Ты пойми, мне же иногда хочется это самое. Романтических отношений. Может быть, это в последний раз. Прости, если сможешь. Но как ты догадалась?

– Я же все теперь вижу, – вздохнула Оля. – Не слепая.

...Они перестали разговаривать. То есть, Владислав Александрович пытался заговорить с женой: «Ну, ты как, в целом?», но Оля лишь с укором смотрела на мужа, качала головой и ничего не говорила.

За время, что они молчали, Оля с удивлением обнаружила, что их телевизор работает, только как радиоприемник – что-то говорит, но ничего не показывает. Да и говорит одно и то же:

– Медведи под куполом цирка. Слоны – жонглеры, обезьяны-фокусники и грузины-наездники на лошадях ахалтекинской породы. Прощальные гастролы всемирно известного коллектива под руководством мистера Икс. Билеты можно заказать по телефону... Медведи под куполом цирка...

Слоны...

И еще:

– Не забудьте выключить телевизор... Не забывайте об этом и в другие дни недели.

...После приобретения увеличительного стекла, или – как говорил муж – лупы, в жизни Оли стали происходить некоторые изменения. Например, она купила шапку-ушанку. Она вдруг разглядела, что все ходят в шапках.

В ушанке, завязанной под подбородком, и с лупой в руке, Оля производила на окружающих угнетающее впечатление.

– Женщина, ну, что вы тут все высматриваете? – спрашивали у нее в магазине. – Уже полчаса стоите у витрины и ничего не покупаете.

– Может быть, я не могу найти смысл жизни, – вздыхала Оля, прятала увеличительное стекло в карман и уходила.

– Вы, наверное, гадалка, они тоже как-то со смыслом жизни связаны, – однажды предположила продавщица. – А я сейчас милицию вызову. Пусть разберутся. Месяц назад у меня пропали два рубля с профилем Гагарина. Может, это вы взяли.

С работы Олю попросили уйти по собственному желанию. Коллеги – а это были в основном немолодые дамы – боялись находиться в одной комнате с женщиной в шапке и с лупой.

– Так, ничего не понимаю. Где-то же должен быть выход из этого лабиринта, – бормотала Оля, склонившись над электрическими схемами.

– Шапка-невидимка до добра не доводит. Мы это тебе давно говорили... Надо было раньше покупать ушанку.

Владислав Александрович, когда приходил домой выпивший, всякий раз обещал выбросить лупу к чертовой матери – он догадался, что Нелли исследует его спящего.

– Ты мне дожить по-человечески не даешь, может, у меня рак горла и печень больная, – плакал он, пытаясь обнять Олю, когда та обнаружила в паху у Владика надпись губной помадой – «Здесь была Соня».

– Что ты во мне ищешь изъяны? Да, я не безупречен. Это видно и невооруженным глазом. Не надо меня рассматривать под увеличительным стеклом.

В конце концов, Владик сдержал обещание и отдал ненавистную лупу соседу-школьнику, который тут же поменял прибор надохлую летучую мышь. (Школьник сварил мышь, ее скелет до сих пор украшает его квартиру.)

Увы, пожить по-человечески Владик не успел. Через месяц он умер, как и предполагал, от рака горла и большой печени.

А Олю и сейчас можно встретить на центральной улице города. Без шапки. Даже когда термометр показывает минус тридцать. Но он же редко показывает такие страшные цифры.

3. Мультиварка

Дневник неизвестного

21 декабря. На работе всем подарили ежедневники – почему-то за прошлый год. Сказали, что от партнеров и про то, что даренному коню в зубы не смотрят. Тем более что, наступает год лошади. Решил, что буду вести дневник личных наблюдений. Прочитал, что это повышает стрессо-устойчивость, и потом можно будет проанализировать, где допустил ошибку. Когда в прошлый раз допускал, потом долго не мог разобраться. Обязательно: сходить к матери!!!!

23 декабря.

Жена попросила на новый год мультиварку. Хорошо. Я не возражаю. Это моя Марина ходила к своей Альбине. (Альбина мне не нравится, но все равно – не забыть поздравить ее с новым годом!!!). Альбина сказала Марине, что после того, как муж купил ей мультиварку, ее жизнь изменилась в лучшую сторону. Можно подумать! Внешне это никак не проявилось: как была страшилищем, так и осталась.

24 декабря.

Изучил Интернет: есть очень дорогие мультиварки. Нашел за 3.690. Проехал полгорода, оказалось, что за 3.690 уже

нет. Есть за 4.000. Никогда больше не поеду в этот «Э». К мультиварке в качестве бонуса дали шахматного коня (опять же, в честь года лошади). Сказали, что надо собрать все фигуры, тогда будет поездка за границу. Интересно, как это можно собрать все фигуры? Только лошадей и можно собрать: годов ферзя или короля не бывает. Всюду хотят обмануть. Из хорошего – купил миксер (600 рублей), буду готовить себе молочные коктейли.

25 декабря.

Марина сказала, что видела в окно, как я шел с мультиваркой. Так что, для нее это уже не сюрприз. И что мультиварку могу подарить уже сейчас, а не ждать нового года, тем более, что сегодня католическое рождество, а у нее бабушка – из польских дворян. Про своих дворян она рассказывает примерно раз в неделю, когда хочет меня унижить. Подарил. Поцеловала в щеку. Сексом не занимаемся уже месяц. Надо обязательно сходить к матери.

28 декабря.

Никогда не надо слушать женщин. Зачем я купил эту мультиварку? Жена стала готовить с ее помощью все, плюс мой миксер тоже пошел в дело. Пришел с работы – стены кухни покрыты тонким слоем картофельного пюре. Блин, говорю, Марина, у тебя же бабушка из польских дворян. Борщ тоже был как пюре. Марина считает, что я к ней придираюсь.

«Это борщ-пюре, что ты придираешься, есть же суп-пюре, тебе раньше очень нравился грибной суп-пюре». Может, мне и нравился суп-пюре, так ты и приготовь суп-пюре, а не пюре-борщ. Спать лег голодным. После работы пошел к матери, нормально поел. Пришел поздно, был скандал.

29 декабря.

Жена сказала, что теперь будем готовить в мультиварке еще и хлеб!!! Печально. Альбина дала ей рецепт. Сучка, ненавижу.

30 декабря.

Хлеб быстро освоить не удалось. Не получилось. Первый блин комом, М. именно так объяснила ситуацию. Ну и готовила бы свои блины дурацкие (нецензурную лексику решил в дневнике пока не использовать, «сучка» – литературное выражение), раз все равно комом. Второй день не ем дома хлеб. Хотя, Марина, по ее словам такой задачи не ставила. Но это не все впечатления. Сегодня утром – около пяти утра – проснулся от того, что на кухне что-то шелкнуло, а потом забулькало. Я испугался, разбудил Марину («ты слышишь, кажется, прорвало канализацию?»). Марина объяснила: «Это я настроила таймер, чтобы к твоему подъему были готовы рыбные котлеты. Ну, или что-то в духе рыбных котлет. Наваликала с вечера». Котлеты не получились, она забыла бросить в фарш яйцо. Даже я знаю про яйцо.

2 января.

М. нашла мой дневник, был скандал. Она подумала, что «сучка» относится к ней. Я объяснил, что это я об Альбине. М. позвонила Альбине, зачитала вслух то, что я написал о ней (Альбине). Теперь оставляю дневник на работе. Нервы на исходе. Надо больше писать, снимать стресс. Но нет вдохновения. Завтра подробно опишу, как встречали новый год.

5 января

Как встречали новый год, уже и не помню, точнее, не хочу вспоминать. Все-таки 10 дней отдыха – очень накладно. Мультиварка достала – невкусно и очень дорого. Я посмотрел на электросчетчик – никакой зарплаты не хватит. Опасной бритвой я аккуратно надрезал провод: внешне ничего незаметно, но – ура! – она не работает. Марина сказала, что мультиварка на гарантии, надо отнести в ремонт. Сделал вид, что не услышал. Сказала, что сама отнесет в таком случае, а я потом пожалею. Подумал и сказал: ладно, сам разберусь. Установил на мультиварку провод от торшера – черный (а был серый). Марина была очень рада, а я в темноте ударился головой о дверь, так как торшер не работал.

8 января.

Утром 6-го позвонили Барановы. Пригласили на Рождество. Я предложил подарить им мультиварку. Марина долго

не соглашалась, однако я переубедил ее: как-то же мы жили без нее и меньше ссорились. И за свет меньше платить. Барановы обрадовались, сказали, что давно мечтали. Ха-ха-ха! Мечты становятся реальностью. Ленка Баранова – еще та домохозяйка, в соответствии с фамилией. Занимались сексом.

20 января.

Ходил к матери. Ел домашние котлеты. У соседей – ремонт, залили верхние соседи.

24 февраля.

Жизнь полна неожиданностей. 23 февраля к нам пришли Силецкие. Принесли мне подарок на День защитника отечества. Как вы думаете, что? Мультиварку. Расследование показало: на старый новый год Силецкие ходили в гости к Барановым. Барановы подарили им мультиварку. Конечно, Силецкие в этом не признались, сказали, что специально для нас купили. Но я то знаю, что это – не так: провод-то черный. Наш, от торшера.

9 марта

8 марта пошли в гости к Михайловым. Подарили мультиварку. По моим расчетам, если мультиварка вернется к нам в дом, то это случится не раньше Дня победы. То есть через два месяца. Это случится, если на первое мая Михайловы сходят в гости к Воловикам. А мы пригласим Воловиков

к себе на 9 мая. Не будем звать Воловиков на День Победы, я так думаю.

3 мая.

Человек полагает, а бог располагает. Воловики пришли сами. Причем, не 9 мая, а первого. Оказалось, что у Таньки Воловик 15 апреля – день рождения, а мы забыли. К ним пришли Михайловы, которые об этом вспомнили, и подарили им мультиварку. Разумеется нашу, с черным проводом.

Кстати, любопытный факт: Марина звонила Альбине, хотела проконсультироваться, как все-таки правильно готовить хлеб. Оказывается, Альбина развелась с мужем, между прочим. Не из-за мультиварки ли? Марина считает, что я – идиот и несу бред. Пообещала освоить мультиварку. Женщины любят наступать на одни и те же грабли.

19 мая.

День рождения Пионерии. Вспомнил, как мы собирали металлолом. Решил сдать мультиварку на металлолом и взял отгул. Марине придумал сказать, что нас обокрали. Ничего не взяли, только мультиварку, скажи, мол, спасибо. Отдал мультиварку вместе с коробкой двум алкашам, которые пообещали отнести ее в пункт приема цветных металлов. Только я сел посмотреть телевизор, в дверь постучали. Это был наш участковый, как теперь говорят, полицейский. Участковый полицейский??? Не знаю, как правильно. Полицейский

пришел вместе с алкашами и мультиваркой: «Помогите нам, уважаемый, разрешить одну головоломку. Вот эти граждане утверждают, что вы сами добровольно отдали им мультиварку. Это правда?» Ответить я ничего не успел, в этот момент вернулась с работы Марина. Я пережил не лучшие моменты своей жизни. Пришлось на следующий день выпить с участковым (неплохой, в принципе, мужик) и поставить две бутылки алкашам (их, по требованию Марины, забрали в отделение и там зачем-то побили, мне пришлось сказать, что они украли мультиварку).

1 июня.

День защиты детей. Будь он проклят. Я не учел, что через дорогу от нас школа, и в День защиты детей – повышенная бдительность. Поставил мультиварку около мусорных баков. Когда возвращался с работы, увидел, что все оцеплено. Оказывается, охранники школы увидели мою коробку и вызвали полицию. Приехала группа разминирования с роботом на колесах и мужиком в космическом скафандре. Участковый полицейский сказал, что он знает, кто владец мультиварки. Участковый пообещал привлечь меня за хулиганство. Я сказал милиционеру, что могу подарить мультиварку ему. Он отказался. Сказал, что я предлагаю ему взятку, и если буду настаивать, то условным сроком уже не отделаюсь. Я спросил, почему же в таком случае мультиварку не приобщат к делу (о хулиганстве) как вещественное дока-

зательство? Сказали, что это необязательно. Как так? Вот так у нас все.

20 июня.

Получил повестку в суд. На 10 июля... Решил сбросить мультиварку с Ворошиловского моста. Для Марины придумал: на работе решили устроить конкурс на лучшего кулинара. Плов-шоу, так сказать. А я с интернета скачал рецепт и рассчитываю на победу. И отказаться уже нельзя. И со мной идти не надо – будет исключительно мужская компания. Марина что-то заподозрила. Я видел, как она за мной следила. Пришлось взять такси. Сбросил мультиварку с моста. Как гора с плеч. Марине сказал, что потерял агрегат по дороге – и специально много выпил, чтобы поверила.

1 сентября.

Теперь у меня есть судимость. С работы уволили. Сказали, что с судимостью работники не нужны. Хотел сброситься с Ворошиловского моста. Но передумал. Марина плакала. Обзвонила всех подруг, включая Альбину, которая ни с того ни сего сошлась с мужем. Мать на суд не пришла, заболела.

31 декабря

Приходила Альбина с мужем. Могут взять меня на работу к себе в фирму. Пока только грузчиком. Но с перспективой служебного роста. Фирма торгует кирпичами, шлако-

блоками и какими-то чугунными плитами. Все очень тяжелое. Не знаю, справлюсь ли. Для утешения Альбина и ее муж подарили нам свою мультиварку. Это был подарок, от которого невозможно отказаться. Начну жизнь сначала.

4. Чудо

Многие говорят, что на Рождество или Новый год им хочется чудес. Я вот, что думаю по этому поводу, не надо никаких чудес, пусть будут спокойные будни. Во-первых, почему именно под новый год, а не в ночь, скажем, на четвертое ноября? Во-вторых, почему это все решили, что чудо должно быть со знаком плюс. А если будет «минус»? Это что – тоже чудо? Где грань между чудом и несчастным случаем? Нет такой грани. Вот вам история из моей жизни.

Сначала преамбула. Отца своего я никогда не видел, мать меня, что называется, нагуляла. Она много гуляла, так мать рассказывала мне в детстве, и однажды маршрут ее прогулки проходил мимо капустного поля, где она меня и нашла. «Скажи спасибо, сынок, что не послушала твою бабушку, она была против моих прогулок, тем более, мимо капустного поля».

В общем, кто мой отец, я не знал. Хотя, если честно, иногда очень хотелось знать. Через это знание, я хотел как-то закрепиться на Земле, вписаться в ее историю, пустить корни, что ли.

– Ну, кто он, хотя бы по профессии?

– Физик, – перед смертью сказала мать, – то ли лирик. Я и сама не поняла.

Теперь к самой истории.

В середине декабря я решил – это было на работе – завести страницу в Фэйсбуке.

Так мне посоветовали сослуживцы.

– Вконтакте – для нищих, Одноклассники – для дебилов. Для нормальных людей – только Фейсбук.

– О чем же ты будешь писать? – поинтересовалась дома жена. – Ты что – нормальный?

– Что буду писать, не знаю, пока выставил только фотографию с прошлогоднего новогоднего корпоратива, я там в костюме, шляпе и темных очках. Изображаю Джеймса Бонда, такой я выбрал себе образ. Но кто знает, что это просто образ, в целом очень прилично все выглядит. Видна богатая закуска. Потом что-нибудь еще придумаю. Удодовы (друзья семьи по линии Риты) все время свою квартиру фотографируют или заграничные поездки, типа веселятся по жизни, Леоновы (друзья семьи по моей линии) снимают только – себя, он – ее, она – его, типа мы любим друг друга, несмотря на внешний вид и возраст. В фэйсбуке люди с юмором, это не как в Одноклассниках: там только дебилы.

– Гена, я тоже хочу страницу в фэйсбуке. Почему у нас уже две недели нет интернета? – спросила жена.

– Потому что у нас мало денег, Ритуля. Наверное, пора отказаться от курения и коньяка. Так и путинский режим скорее рухнет, без наших акцизов.

– А от воздуха я не должна отказаться? Может, мне не дышать?

– Как хочешь, Рита. Тогда не спрашивай про интернет.

Через пару дней я получил через Фейсбук письмо. «Привет, Геннадий. Судя по тому, что у нас одинаковая фамилия – Лебедев, твоё отчество – Григорьевич, тебе 50 лет и родился ты в славном городе Аксае, мы – родственники, ближайшие. Я – твой отец. Как ты смотришь на то, чтобы вместе встретить новый год? Все мы делаем ошибки, но жизнь – это хорошая школа, и я, наученный горьким опытом, хочу исправить некоторые из своих ошибок. Другими словами, нам есть, что сказать друг другу».

Ещё отец написал, что у него всё хорошо, он занимается бизнесом, хотя сейчас немного отошел от дел, но всё равно ни в чём не нуждается, более того, может и сам помочь при необходимости, детали при встрече.

Отец прислал свою фотографию: солидный мужчина в костюме, шляпе, в темных очках, Кларк Гейбл в первом приближении. Или Джеймс Бонд. Очевидно, что мы похожи.

В общем, я согласился. Написал только, что спрошу у жены. Жене, чтобы не злилась на незнакомого человека и возможные неудобства, сказал, что отец обещал привезти богатые подарки и помочь с деньгами, если надо.

– Подарки – это хорошо, но где мы его поселим?

– У нас две комнаты. Большая и маленькая. Отдадим ему большую.

– Ха-ха, – рассмеялась Рита. – Как ты думаешь, может

порядочный человек жить в квартире, где со стен свисают обои, не работает сливной бачок и местами проваливается пол. Мне стыдно за нашу квартиру. Интернета у нас также все еще нет.

– Зато у нас много книг и журналов за 1990 год. Ну... Может, тем богаче будут его подарки.

– Да? Не думаю. Мы его просто испугаем, он скажет, пойду за подарками, выйдет и больше не вернется. Потому что мы – лузеры.

– Рита, откуда такие термины?

– С улицы принесла, от девчат.

– С улицы? Ты же практически не выходишь из дома. Хорошо, мы сделаем косметический ремонт.

– Хотя бы поменяем полы и заменим обои.

– Поменяем полы? Да ты знаешь, сколько это стоит?

– Можно взять кредит.

Я никогда раньше не брал кредиты, но на этот раз решился. Ради отца, чтобы удовлетворить свое любопытство, увидеть корни.

Ремонтная бригада состояла из двух человек Романа и Владислава. Один из них был по образованию программистом, другой о себе ничего не рассказывал.

– Если вам надо срочно поменять полы, придется заплатить все деньги вперед, чтобы у нас не было искушения взять еще один заказ, – объявил Роман-программист, он был у них

типа бригадира.

Мы согласились.

Полы, действительно, они сняли за один день, сбросили с балкона прогнившие доски, и мы с Ритой отнесли их ночью на мусорку.

На следующий день ремонтники завезли новые доски и сложили их в большой в комнате, почти перекрыв проход в малую.

Больше мы не видели ни Романа, ни Владислава, ни наших денег, телефон они отключили.

– Мы сделали что-то не так, – предположил я. – Видно, они получили какой-то более выгодный заказ.

Рита предположила:

– Или забухали.

– Тогда я сам положу полы.

– Божечки, – запричитала Рита. – Может быть, скажем, чтобы твой отец не приезжал сейчас, перенесем встречу на 8 марта.

– Нет, я хочу увидеть отца. Спросить, где он был столько лет?

Я бы положил эти дурацкие полы, если бы у меня были соответствующие инструменты, но у меня были только молоток, гвозди и ручная пила по дереву. Но даже не в этом дело, у меня не было навыка. За малым я не отпилил себе левую руку.

– Хорошо, что вену не задели, – сказал врач, накладывая шов.

Потом он перебинтовал руку.

– Тебе идет, – усмехнулась Рита.

– Если надеть белую рубашку с длинными рукавами, то практически незаметно. Слушай, Рита. Я подумал, мы не успеваем заменить полы. Но в Фэйсбуке я прочитал, что Удодовы новый год будут встречать в Испании. Что если они нам дадут свою квартиру на два-три дня. Скажем, ремонт делаем, но не успеваем, такие дела. С кем не бывает.

– Ну иди попроси.

– Ты сходи, ты же Сашку лучше знаешь, он же за тобой ухаживал.

– Блин, ты понимаешь, как мне неприятно его о чем-нибудь просить.

– Но у нас нет других знакомых с хорошей квартирой. И надо завтра сходить, потому что послезавтра они уезжают. Отец пишет, что уже выбирает подарки, спрашивает, может, лучше деньгами? – ничего такого отец не спрашивал, но Риту надо было как-то мотивировать.

Квартира Удодовых была какой-то, как бы это сказать, избыточной. Пять комнат. Зачем? Для двоих зачем пять комнат? Оптимальный вариант – три: каждому по спальне и одна общая, обеденная, если вдруг захочется пообедать вместе, или гости придут, или из полиции представители. Однажды

к нам приходили из полиции, расспрашивали о соседях-наркоманах. Глупо полицейских приглашать в спальню, а обеденная комната идеально подходит для таких встреч.

– Интересно, а зачем им в каждой комнате телевизор?

– Не знаю. А два туалета зачем?

Мы, конечно, знали, зачем телевизоры и туалеты. Просто сталкивались с таким явлением раза два-три в жизни. Даже и не вспомнить, когда... Так что спрашивали друг друга от неожиданности увиденного.

В самой большой комнате был и самый большой телевизор. Рита попыталась охватить его диагональ, но у нее не получилось.

– У меня размах рук 150 сантиметров, их не хватает на телевизионную диагональ.

– Здесь больше двух метров. Такой стоит миллиона три. Bang & Olufsen BeoVision – прочитал я название.

– Не слишком ли это роскошно для нас?

– Ты права. Важно не переборщить с нашим благополучием. Должно создаться впечатление, что мы люди благополучные, но все-таки нуждающиеся в поддержке. Мы колеблемся на грани с полным и окончательным благополучием. Небольшая помощь родственников могла бы склонить чашу весов в сторону этого бесповоротного благополучия. Я думаю, надо спрятать наиболее ценные вещи в дальние комнаты, и закрыть. Отцу скажем, что это кладовки. А плазму перевезем к нам. Посмотрим, что это такое.

Так мы и сделали. Но оказалось, что плазма сама по себе не показывает. Это просто экран. Откуда-то должен поступать сигнал. Например, от компьютера. А интернета у нас все еще не было...

На этой почве мы поссорились с Ритой.

Она назвала меня дебиллом, а я дал ей в глаз.

Утром мы помирились, но Рита сказала, что в таком виде не хочет никого видеть и себя показывать тоже не хочет.

– Я никуда не пойду, буду дома сидеть, смотреть на свое отображение в неработающем экране.

– Подумаешь, у меня левая рука перевязана.

– Я серьезно, я не пойду.

– Хорошо, я скажу, что ты уехала. Или... Может быть, я тогда позову Наташу, скажу, что это ты, чтобы долго не объяснять.

– Наташу? Это та, о ком я думаю?

– Ты ее помнишь? Мы вновь подружились, спустя, так сказать годы. Ты помнишь ее, неужели?

Рита замерла.

– В Фейсбуке, разумеется, подружились, просто переписываемся, – я попытался сгладить ситуацию, но было поздно.

– Зачем переписываетесь?

– Ну, не знаю. Я подумал. Кто-то же должен будет подавать на стол.

– И как Наташа?

– Развелась.

– Сучка.

– Почему она сучка?

– Такой родилась.

Мы подрались. Рита сильно расцарапала мне лицо. Наутро мы помирились.

– Блин, сколько раз я тебе говорил, стриги регулярно ногти. Посмотри теперь на меня. Посмотри, тебе говорю.

– Ой, божечки.

– Как я теперь пойду на встречу с отцом – с перевязанной рукой и поцарапанной мордой. Пиздец какой-то.

– Ну и не хер тебе с ним встречаться. Я тоже не знаю, кто мой отец.

– А мне надо знать, кто мой отец.

– Тогда пусть он примет тебя таким, какой ты есть. Зачем пускать пыль в глаза?

– Тогда давай устроим встречу у нас дома. Не хочешь?

В общем, я решил, что на встречу с отцом вместо нас пойдут Леоновы – Татьяна и Михаил. Они наши ровесники, но выглядят лучше. Они ухоженные, и какие-то приличные, с ними спокойно, они прямо сочатся своей взаимной любовью. Если малый предприниматель Михаил Леонов наденет мой маскарадный костюм – шляпу и темные очки, мы будем неразличимы.

Леоновы (за небольшую услугу, связанную с поступлением их сына в вуз), согласились. Михаил спросил:

– А что мы будем говорить? Как вести беседу?

– Говорить надо две фразы: «Я ничего не помню» и «рассказывайте дальше, мне все интересно». Спросите, женат ли он, есть ли другие дети, чем занимаются, где живут. Все, что он скажет, запишите на диктофон. В общем, сориентируйтесь.

– Я могу растеряться, – заметил Михаил.

– Хорошо, мы напишем вопросы на бумажке.

– Почему, не нашел тебя раньше, спрашивать? Какие-то острые темы затрагивать?

– Сложный вопрос. Интересно, конечно, но он может обидеться. Тактично спросите. Когда выпьете. Пусть лучше Таня спросит, как женщина.

– Гришенька, дорогой, вы не скучали без нас? Мужчина, я к вам обращаюсь, – Таня работала в районной администрации, там все так говорили, первая фраза ласково, вторая – строго.

– Пусть лучше Миша спросит, – испугалась Рита Таниных интонаций.

– Ой да ладно. Я ж выпью, расслаблюсь.

– Разберемся, – успокоил Миша. – Во сколько приходите?

– Мы все подготовим, накроем стол, купим выпивку. Приходите к 10 вечера, он будет в 11, за час до Нового года. Говорит, что встречать его не надо, он сам вас найдет, я дал ему адрес. Написал, что прилетит на самолете, но сначала хочет погулять по городу, в котором не был сто лет.

– А если он спросит, как вы сами поживаете, чем занимаетесь? Что говорить?

– Трудный вопрос. Ну не знаю. Рита! Как ты думаешь?

– Скажи, много читаем.

– Не надо переводить серьезную беседу в шутку.

– Тогда пусть скажут, что школу уже закончили, потом – институт, работаем, на работе уважают, дети живут отдельно, скоро будут внуки. Вот, ремонт к вашему приезду сделали.

– Вы главное, спрашивайте, как он, где живет? Что за дом, кто соседи. Кто был его отец, спросите. А второго утром проводите на поезд.

Пока Леоновы и мой отец встречали новый год за накрытым нами столом (оливье, гусь, холодец, мандарины, шампанское, коньяк, 5 тысяч рублей) мы с Ритой гуляли по ночному городу, под окнами Удодовых – дома было как-то неуютно (ремонт, доски, неработающая плазма, текущий бачок).

– Что я могу сказать, это самая необычная встреча нового года в моей жизни. Запомнится надолго, – сказала Рита.

Я не выдержал и позвонил Михаилу.

«Все нормально – сказал Михаил. – Классный мужик, анекдотов знает кучу, просто не умолкает, тосты говорит один за другим, так что мы уже хорошие. Ходит в темных очках, в костюме и шляпу не снимает. Голос у Григория Ива-

новича такой командирский-командирский. Куда там Тане. А подать-ка мне сюда оливье! И гусик, на выход! Где холодчик? Хвалил холодец, кстати. Сразу видно, какой-то начальник. Его биографию мы еще не обсуждали. Но! Гена, он не собирается никуда уезжать, говорит, что завтра хочет в музей, а потом в какой-нибудь загородный ресторан, а дальше видно будет, это он так говорит, не я».

– Да? Ну, поезжайте.

– Ага. А платить кто будет? У него доллары, говорит, только, а банки завтра, 1 января, не работают.

– Некоторые работают.

– Я ему так и сказал. Говорит, где я буду искать работающие. И как-то подразумевается, что мы должны заплатить. Он все время повторяет, ой, как вы хорошо живете. Еще он говорит, что хочет покататься на колесе обозрения и требует обзорную экскурсию по городу.

– Хорошо, мы заплатим по факту.

– Ладно, договорились.

– Блин, Рита, я же говорил, что надо у нас встречать новый год, – это я уже жене сказал.

Возвращаюсь к вопросу, с которого я начал, – о чуде. Чудо случилось. Удодовой там в далекой и теплой Испании приснилось, что их квартиру в зимнем и холодном Ростове ограбили. Ограбили по мелочи, так – пару шуб, кое-какой фарфор, золотишко, плазму, денег не нашли. И это случилось

потому что мы – Лебедевы – бросили квартиру открытой, забыли закрыть из-за общей растерянности перед жизнью.

– Надо срочно лететь домой! – сказала Удодова мужу. – У меня плохое предчувствие. Эти твои Лебедевы оставили квартиру открытой.

Муж поначалу возражал, но потом согласился, потому что с женой ему было скучно, все что было можно они уже запостили в фейсбуке, все их френды уже поняли, что они в Испании. Чего еще желать?

В общем, Удодовы приехали домой, поднялись к себе на девятый этаж, потихоньку потянули дверь – та была открыта, первая часть сна оказалась неприятной реальностью. В прихожей Удодовы увидела три пары обуви (а обуви там уже не должно было быть), потихоньку закрыла дверь и вызвала полицию, предварительно подперев открывающуюся наружу дверь чемоданами, чтобы гости не ускользнули.

– Вот видишь, а что говорила? – сказала Удодова мужу. – Снам надо верить.

Полиция застала в квартире Удодовых не знакомую хозяевам компанию: семейную пару средних лет и пожилого мужчину в шляпе и солнцезащитных очках. Всех вежливо попросили лечь на пол, лицом вниз. Все легли. Полицейские попросили у лежащих паспорта.

– Так, Леоновы, Татьяна, Михаил, супруги. Устойчивая преступная группа, типа Бонни и Клайда, стало быть.

Не вы ли это ограбили в прошлом году дом на улице Оранжевой?

– Мы никогда не были на Оранжевой.

– Проверим. Все проверим. Хотя и так все ясно.

– Они украли нашу плазму Bang & Olufsen BeoVision, – вдруг закричала Удодова, обнаружившая пропажу, и упала в обморок.

– Ничего мы не крали, не было плазмы с самого начала, – оправдывались Леоновы.

– Разберемся, граждане Леоновы, – комментировали происходящее полицейские.

– Почему они называют вас Леоновыми? Вы же Лебедевы, а что ошибся квартирой? – подал голос отец.

– А вас, гражданин Мамуня Леон Иванович, пока никто не спрашивает.

– Как Мамуня? – на этот раз удивились Леоновы. – Вы же Григорий Лебедев.

– Григорий не смог придти, – сказал мужчина в сдвинувшейся на затылок шляпе, помятом костюме и темных очках, теперь уже не мой отец.

– Какая интересная ситуация, прямо немая сцена «Ревизора», – наконец заговорил Удодов. – Я думаю, надо срочно задержать Лебедевых, пока они не покинули город с нашей плазмой. Хотя, скорее всего, поздно.

Группа захвата, а также потерпевшие Удодовы, прибыли

к нам практически в полночь. Мы сидели перед неработающим телевизором, смотрели на свое отражение и думали, где же взять деньги на спектакль местного драмтеатра: оказалось, что кроме ресторанов, музеев, цирка, отец любит еще и театр.

В общем, мы отделались, как говорится, легким испугом. Удодовы не стали подавать на нас в суд, решили, что это испортит им имидж легких и веселых людей.

Теперь об отце и лже-отце.

Оказалось, что Мамуня последние 5 лет жил в доме-интернате для инвалидов и ветеранов. Когда-то он был главой какой-то захолустной районной администрации. Потом его время прошло, дети уехали, Леон Иванович заболел, на лечение ушли все деньги, дети вернулись, продали квартиру в центре города, вырученные деньги также ушли на лечение, дети приехали еще раз и поместили Мамуню в интернат.

А полгода назад к нему в комнату подселили Григория Лебедева.

Лебедев передвигался на инвалидной коляске, ничего о себе не рассказывал, только вот это:

– Кажется, в этом городе должен быть мой сын, но он за всю жизнь не сделал не единой попытки найти меня. Да и правильно, зачем я ему нужен? Старики никому не нужны.

А потом в интернат провели интернет, извиняюсь за каламбур. Компьютер освоил только Григорий Лебедев. Лебедев и нашел меня в Фейсбуке.

– Жаль, жаль, но на коляске туда не добраться... Слушай, Мамуня, хочешь встретить новый год по-человечески, может, в последний раз? А? Тут сынок мой объявился, судя по фоткам – богатенький. Вполне можно раскрутить на хорошие новогодние праздники. У меня есть план на сей счет. Заодно пораспрашивай, как там они живут. Есть у меня внуки или нет? Любопытно все-таки. Соглашайся!

И Мамуня согласился. Вот собственно и вся история.

Мамуня вернулся в дом-интернат, а мы с Ритой столкнулись с вопросом, как поступить. Что делать с таким чудом? Рита предложила забрать отца из интерната. Я подумал, и согласился.

Теперь у нас куча дополнительных проблем, между прочим. Но есть с кем поговорить о корнях.

5. День, когда заговорило радио

Однажды Валерий Федорович весь вечер провел на кухне, у радиоприемника. Ждал, когда же на нем высохнет постиранная майка. Потому что на человеческом теле майки сохнут быстрее всего. Что бы не говорили. Особенно, если на улице дождь, и на балконе майку не высушишь.

Валерий Федорович ждал, когда же засохнет эта проклятая майка, курил и слушал радио. Очень хотел услышать что-то важное, касающееся жизни каждого человека. Что именно такое важное он должен был услышать из радиоприемника, он и сам не представлял. Ну... Может быть, что крепкие спиртные напитки опять будут продаваться круглосуточно. Что может быть важнее? И всех касается. По крайней мере, это касалось всех знакомых Валерия Федоровича.

Однако ничего важного по радио не говорили. Одна музыка. Попса. И московское время. А потом радио и вовсе перестало говорить. Одни шумы – будто из ракушки, когда ее приложишь к уху. Если кто не знает, в этом случае человек слышит шум собственной крови. У Валерия Федоровича было повышенное давление, так что ракушки у него прямо таки штормили. Как будто волны бились о скалы.

...Валерий Федорович еще раз прислушался к радиоприемнику – тишина. Хотя лампочки горят.

Мужчина уже хотел было лечь спать, когда радиоприем-

ник заговорил, очень тихо, так что Валерий Федорович подумал, что это его жена из спальни зовет.

– Валера, ты меня слышишь?

– Ты спи, зачем я тебе? Майка еще вогкая.

Сразу Валерию Федоровичу никто не ответил.

Через минуту голос – приятный, нежный, женский, незнакомый – опять произнес.

– Валера!

– Кто ты? – испугался Валерий Федорович, вышел в прихожую и на всякий случай проверил, заперта ли дверь. Дверь была заперта. Мужчина выглянул в окно, но и там никого не было, только отвратительные пьяные подростки из соседнего дома.

– Валера... Ты меня слышишь? – теперь Валерию Федоровичу было очевидно, что звуки доносятся из радиоприемника.

– Слышу. Ты кто?

– Это секрет... Но знай, Валера, я тебя очень люблю.

– Жена дома... Может, завтра где-нибудь встретимся? Ты кто, где живешь?

Однако приемник ничего не ответил Валерию Федоровичу. А вскоре, как обычно, заиграла музыка вперемежку с московским временем.

«И чё дальше? – подумал Валерий Федорович. – Любит она меня. Смешно. Дурочка. Молодая еще, наверное... Конечно, молодая, неопытная... Значит, я еще привлекатель-

ный мужчина. Раз нравлюсь таким молоденьким девушкам».

Мужчина потрогал себя за член. Он был на месте.

Валерий Федорович взял подмышку радиоприемник и отправился в спальню, лег рядом с женой, накрылся с головой одеялом и стал ждать.

Но ничего не происходило. То есть, никто ничего приятного – лично для него – не говорил. Так, для всех и в общих чертах.

– Ты че, ебанулся? – спросила утром жена, обнаружив, что муж спит в обнимку с включенным радиоприемником.

– Сейчас будут погоду передавать. Боюсь пропустить, – Валерий Федорович не растерялся. – Говорят, сегодня дождь опять будет. Сырая в этом году весна. Не надо сейчас ничего стирать.

– Ну-ну, – сказала жена. – Я и не собиралась.

...На следующий день – в субботу – Валерий Федорович отправился на кладбище. Убрал, на всякий случай, могилу умершей десять лет назад матери, покрасил оградку и перекрестился. Потом позвонил кладовщице Александре, за которой ухаживал 15 лет назад. Но трубку взял муж кладовщицы, Валерий Федорович не стал с ним разговаривать.

Спать Валерий Федорович лег в наушниках. В обнимку с радиоприемником. Но в ту ночь по радио опять передавали только музыку.

– Люблю послушать музыку в субботний вечер, – объяснил он свое необычное поведение жене. – Ты же не любишь.

Дай спокойно послушать.

– Слушай, слушай. Только потом не жалуйся. Я тебя предупредила. Мне придури не надо.

В воскресенье утром Валерий Федорович купил батарейки и вставил их в радиоприемник. Ему показалось, что самое интересное и важное по радио передают именно в тот момент, когда он переносит приемник из кухни в спальню и обратно. Теперь радиоприемник работал непрерывно.

В воскресенье вечером Валерий Федорович опять заснул в наушниках и в них же проснулся.

– Продолжаешь? – поинтересовалась жена. – Зря.

Когда в понедельник Валерий Федорович вернулся с работы, радиоприемника на кухне не было. Не было его и в спальне. Только в десять вечера, перед сном, мужчина нашел сломанный корпус своего друга в помойном ведре. Там он обнаружил и все его внутренности: чудесные диоды, волшебные транзисторы и ослепительной красоты микросхемы. Нежные синие и розовые проводочки были частично оборваны. Наушники превратились в две раздавленные карамельные конфеты. Очевидно, что жена топтала наушники каблуками.

– Валера, я тебя предупреждала, а ты не послушал, – сказала женщина. – Пеняй на себя.

Валерий Федорович почувствовал недомогание, у него повысилось давление, из носа потекла кровь. Он подумал, что так, наверное, чувствовала себя царевна-лягушка, когда идиот царевич сжег ее шкурку. Однако свою жену Валерий

Федорович царевной не считал, он взял со стола кухонный нож и отрезал ей голову.

Когда за мужчиной пришли милиционеры, они застали странную картину: Валерий Федорович в трусах и окровавленной майке, стоял на коленях, рядом с кухонным столом, на кухонном столе лежала тарелка, а в ней стояла (именно стояла, а не лежала) голова жены.

Создавалось впечатление, что Валерий Федорович ждет, когда же голова заговорит, а он не хочет упустить ни слова. Даже ухо приложил к ее губам.

– Не шумите, – попросил Валерий Федорович милиционеров, – она говорит очень тихо.

6. Чужие мысли

В детстве я был необычным ребенком. Я умел читать чужие мысли.

Впервые я догадался, что у меня есть такой дар в последнее лето перед школой, в шесть лет и десять месяцев. Это я знаю точно, потому что в этот день у отца был день рождения. Но мы с матерью в тот раз об этом забыли.

Дело было так.

Мать купила мне футбольный мяч и насос для него. Радуясь подарку я чисто случайно разбил отцовскую пивную кружку с выгравированной на ней надписью «За волю к победе. Отличнику боевой и политической подготовки Александру Воцюку». Кружка стояла на буфете.

В принципе, кроме надписи в кружке не было ничего ценного. Стандартная полулитровая кружка из толстого стекла. Даже без ручки, она откололась еще до моего рождения. Но отцу кружка была дорога как память о годах проведенных в спортроде, когда, по его словам, он подавал большие надежды как легкоатлет.

– Это мой талисман, – сказал отец. – Теперь он разбит.

– Ой, подумаешь, купим новую, и надпись сделаем не хуже прежней, – мать попыталась сгладить ситуацию.

– Папа, ты же ей никогда не пользовался, – я тоже не понимал, в чем ценность этой старой кружки.

– Не пользовался, потому что берег, – сказал отец, и больно ударил меня по затылку.

Я заплакал.

– Папа, ты – дурак.

– Эдик, я тебя просил никогда не называть меня дураком?

Просил?

– Просил, но я забыл. Папа, прости меня.

Но отец не простил, стащил с меня штаны и отшлепал рукой фрезеровщика мою голую задницу. Как-то очень-очень больно. Аномально больно.

Этот стресс, как я сейчас понимаю, запустил во мне какие-то механизмы, видимо, я очень хотел понять, за что меня так побили. То есть, имело место гипертрофированное детское любопытство.

Отец тоже заплакал и обнял меня. И я вдруг ощутил себя его частью. Вместе со всеми его мыслями. Мысли были такие: «Анну Каренину» я не читал, поэтому меня не приняли на филфак, я остался без высшего образования, жена не любит, про мой день рождения все забыли, хотел выпить пива, но теперь не из чего». Все мысли отец думал одновременно. Но главной на тот момент была мысль, что сын его не уважает и смеется над ним. Эта мысль была передана, так сказать, прописными буквами.

Мать, опомнившись, оттолкнула отца и прижала меня к себе.

– Ты что творишь, скотина?

Едва она коснулась меня, внутренний телеграф отстучал теперь уже ее мысли: «Нет, надо разводиться, видно, чувствует, что мальчик не его, сама давно хотела грохнуть эту кружку о голову Александра».

Когда скандал улегся – мать решила все-таки не разводиться, ей пришлось сходить за пивом для отца, а потом и за водкой – я спросил:

– Мама, а кто мой папа?

– Как это кто? – мать побелела, но голос ее не дрогнул. – Пойди, полюбуйся, в соседней комнате пьяный лежит, день рождения с чертями празднует (отец что-то кричал во сне).

Мать заплакала. Я прижался к ней, чтобы утешить, и узнал, что с высокой долей вероятности моим отцом мог быть учащийся местного профтехучилища, будущий закройщик. «Но почему у него такой вопрос, кто может об этом знать? Наверняка даже я не могу сказать, самой интересно».

Я понял, что для того чтобы принять мысли другого человека, с ним надо вступить в физический контакт. Прикоснуться, погладить по голове, пожать руку. В принципе можно было получать сообщения и через одежду, образно говоря, слегка соприкоснувшись рукавами, но в таком случае много постороннего шума, помех. Вот более точное ощущение – как если бы телеграмму набирал школьник – мало того, что не очень грамотный, но и медленно набирающий текст.

В школе, без крайней необходимости, я не пользовался своими способностями. Точнее – пользовался, но не афишировал. Не хотел выделяться, понимал, что это опасно, и могло быть приравнено сверстниками к воровству. Может быть, в какой-нибудь столичной математической школе чтение мыслей через рукопожатие и прибавило бы мне очков, но только не в нашей, сельмашевской.

Не знаю, были ли другие подобные мне люди? Скорее всего, были. Но раз мы о них ничего не знаем, то они тоже поняли, свои способности лучше держать в тайне.

Чужие мысли помогали мне избегать конфликтов с одноклассниками и выигрывать в карты в пионерском лагере, куда однажды, несмотря на мое сопротивление, отправила меня мать.

По большому счету своим даром в личных интересах я воспользоваться лишь однажды, когда меня – пятиклассника – стал встречать после уроков местный хулиган по кличке Рыжий. Встречал он не только меня – всех пятиклассников. Цена встречи – десять копеек, их мы бросали в его фуражку-аэродром.

Рыжий при этом кланялся и говорил:

– Покорнейше вас благодарю, сударь. Что такое десять копеек по нынешним временам? Здоровье дороже.

Но однажды отцу – впервые в его жизни – дали путевку в дом отдыха у моря, на два лица, на две недели.

Родители оставили мне почти полный холодильник еды, консервы и два рубля (на школьные обеды), которые я, сразу же потратил на черный железный автомат (полтора рубля) и пистоны к нему (пятьдесят копеек). Очень уж я хотел такой автомат. Мать считала игрушку роскошью, тем более, что у меня уже был пистолет с пистонами.

– Ты что, Эдик. Два рубля – это половина базарной утки, – говорила мать.

Когда в понедельник Рыжий подставил мне свой «аэродром» для взноса, я пробурчал что-то типа, родители уехали, денег не оставили, прошу войти в мое положение и простить.

– Это не дело, сударь, – ответил Рыжий и ударил меня в челюсть. – Завтра принесешь двадцать копеек. Место встречи изменить нельзя – школьный двор.

Вместе с ударом я узнал, что это Рыжий украл маленький телевизор «Юность» из кабинета литературы. После пропажи приезжала милиция, но ничего не нашла, мол, действовал опытный и наглый преступник: надо же, телевизор украл. И, мало того, что украл, еще и незаметно вынес. Ну, и отпечатков пальцев в кабинете литературы слишком много, заподозрить в краже можно практически любого ученика, не говоря уже об учителях.

Во вторник Рыжий дал мне в глаз, я узнал, что телевизор он отнес к себе домой и теперь смотрит его вместе с дедом. Как раз в те дни показывали «Место встречи изменить нель-

зя».

Домой я возвращался в слезах, размышляя, что же ждет меня в среду и в ближайшие две недели. Шел, не поднимая глаз, смотрел только себе под ноги. И нашел две копейки. Это была цена одного телефонного звонка участковому – его телефон был написан на информационном стенде в школьном вестибюле.

На следующий день к Рыжему приехал милицейский бобик, телевизор вернули в школу, а моего обидчика отправили в колонию для несовершеннолетних. Кстати, оказалось, что у Рыжего родители погибли в автомобильной катастрофе, и его воспитывал дед, как видим, не очень хорошо. Дед затосковал без внука и вскоре умер. Вот такая была история, с трагическим оттенком.

Были и комические случаи.

Помню, заканчивал девятый класс.

Я ехал в автобусе, кажется, на концерт «Машины времени», и меня придавил к автобусному поручню какой-то толстый восьмиклассник, которому задали выучить наизусть «Песню о Буревестнике». Он мог думать только об этой странной песне. «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный. То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и – тучи слышат радость в смелом крике птицы».

А как дальше, он забывал. В общем, он раз десять прочитал этот кусок – до «крика птицы». Это было мучительно. Из всех сил я передавал ему свою мысль («В этом крике – жажда бури!») но, к сожалению, передавать свои мысли другим я так и не научился.

В конце концов, я не выдержал и подсказал вслух: «В этом крике – жажда бури!»

Толстяк вздрогнул:

– Извините, я вас сильно прижал к поручню, – и отодвинулся от меня.

Одно время мне нравилось ездить в автобусах в час пик. Зажатый со всех сторон разнополыми и разновозрастными согражданами, я пытался сообразить, кто же это из прижимающихся ко мне мечтает, «чтобы вы все сдохли», а кто хочет, чтобы быстрее построили метро.

Часто пассажиры в автобусе думали о болезнях, надвигающейся старости, об изменах, о смерти – близких и своей собственной, долгах и кинофильмах. Но чаще просто злились на мироустройство. Особенно много злости я зафиксировал в троллейбусах маршрута номер 3 (Сельмаш-Чкаловский) холодным зимними вечерами с 15.30 до 18.00. В 15.30 заканчивалась первая смена на «Ростсельмаше».

Между прочим, про себя люди очень часто матерились. Гораздо чаще, чем вслух. В том числе симпатичные девушки. «Мама, это какой-то...». Так они мысленно разговаривали со своими матерями, жаловались на бой-френдов, работу,

подруг, упрекали самих матерей в жадности и невнимании.

Меня это смешило. Мой дар создавал какую-то границу между мною и остальными пассажирами, давал мне чувство безопасности, как я сейчас понимаю, иллюзорное.

Однажды, кажется, это было в 8 классе, я предотвратил кражу наручных часов у какого-то мужика в шляпе – в те годы шляпа была обычным явлением, ее носили в основном представители рабочего класса, например, мой отец.

Я прочитал мысли другого мужика, без шляпы, который случайно наступил мне на ногу: «Сыну подарю или сам буду носить, хорошие часы»

В самый ответственный момент, когда рука вора уже приблизилась к часам, я спросил у мужика в шляпе:

– Мужчина, а вы не подскажите, сколько сейчас времени?

– Подскажу, конечно. Половина пятого.

Мужик без шляпы зло посмотрел на меня и вышел из автобуса, заметив:

– Без пятнадцати шесть уже.

После этого случая я подумал, что чтение мыслей может помочь в борьбе с преступностью. Я даже планировал после школы стать следователем.

Впрочем, от идеи стать следователем я очень быстро отказался. Как раз в это время в наших краях объявился маньяк. У него была особая примета – он всегда ходил в кроссовках «Адидас». Таких людей в СССР было не так уж много, и я

решил разыскать маньяка.

Я ходил по городу, находил человека в кроссовках, незаметно обгонял его, потом бежал навстречу, протягивал руку, как правило, мне в ответ тоже автоматически протягивали руку, я жал ее и говорил:

– Ой, обознался, думал, что вы наш учитель истории. Хотел спросить, когда у нас будут экзамены.

Может, я и встречал настоящего маньяка, но я исходил из посылки, что он должен постоянно думать о преступлении. Потом понял, что это не так, в момент нашей встречи он мог думать о чем угодно, например, о том, как же жмут эти проклятые ботинки «Адидас», потому что купил на размер меньше, какие были. Человек, даже убийца, мог внезапно вспомнить своего собственного учителя истории. В конце концов, прохожий мог просто испугаться нашей неожиданной встречи. Таких было пятьдесят процентов.

Однажды, в трамвае меня придавили спиной к какому-то невысокому жилистом типу, похожему на актера Джигарханяна. У него были очень странные мысли: «Помози мне грешному и унылому в настоящем сем житии, умоли Господа Бога даровати ми оставление всех моих грехов, елико согреших от юности моея, во всем житии моем, делом, словом, помышлением и всеми моими чувствы». На «грешном и унылом» я увидел кроссовки «Адидас».

«Джигарханян» вышел на ближайшей остановке, и я тоже.

Потом я поздоровался с ним, протянул ему руку, сказал, что обознался и вдруг почувствовал, что он не отпускает меня.

– Надо поговорить, – сказал тип и потащил меня в ближайшую подворотню.

– Дяденька, пустите, больно.

– А ну заткнись, болван. Ты как меня нашел? Кто навел?

– Никто не навел. Я никого не находил. Я вас не понимаю.

Со стороны могло показаться, что беседуют два хорошо знакомых человека, или, может, учитель и ученик – мы по-прежнему держались за руки. Со стороны же не было видно, как я плачу от страха и боли.

Я узнал, что этот тип – не маньяк и убийца, а рецидивист, еще и в розыске за вооруженный грабеж. Кроме того, гражданина искали по всей стране, так сказать, коллеги по бизнесу, которых он кинул на 3000 рублей. Звали его Алексеем Ивановичем Черемухиным, и в кармане у него был выкидной нож. Рядом с ножом был текст молитвы. Черемухин шел в церковь помолиться Николаю Чудотворцу, покровителю путешественников, заключённых и сирот. В общем, мне грозила реальная опасность. Чтобы как-то войти в контакт, я назвал его по имени:

– Алексей Иванович, отпустите, пожалуйста.

– Понятно, – тип полез в карман за ножом.

– Если вы меня убьете, Николай Чудотворец вам не поможет, – не знаю зачем, сказал ему я, потому что ничего боль-

ше не пришло в голову. – Вы в бога веруете?

Алексей Иванович на мгновение задумался о роли бога в его жизни, ослабил хватку, я вырвался и побежал. Он меня легко догнал – в своих кроссовках. Догнал и обнял. Такая встреча старых друзей. Жали друг другу руки, а теперь обнимаемся. Никак не можем расстаться. Но я знал, что он достает из кармана свой выкидной нож, чтобы воткнуть его мне в спину.

В этот момент в подворотню вошли две мрачных дамы, и я почувствовал, что объятия Алексея Ивановича слабеют.

– Леха, ты что ли? А мы тебя ищем, – очень серьезно сказала одна дама мужским голосом, и я понял, что это не дама, а мужчина в женском парике. – Разговор есть.

Я, воспользовавшись всеобщим замешательством, убежал.

Бежал через дворы, через рынок, через универмаг, потом сел на трамвай, вышел за две остановки до своей. Так я, на всякий случай, пытался избавиться от возможной слежки – ведь со стороны могло показаться, что мы с Алексеем Ивановичем хорошие знакомые, раз так подолгу жмем друг другу руки, да еще и обнимаемся. Может мы партнеры по криминальному бизнесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.